

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)6

С.В. Богданов
*доктор исторических наук, профессор,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск*

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1941)

В статье рассматривается комплекс преступлений в сфере экономики, которые были распространены в советской России в первые десятилетия ее существования. Период с 1917 по 1941 г. характеризовался резкими переменами в политике власти по отношению к экономическим преступлениям: от применения чрезвычайно твердых мер в период «военного коммунизма» к сравнительно либеральному законодательству в годы новый экономической элементике и к новому витку борьбы с предпринимательским элементом с начала 1930-х гг. Однако ни один из способов борьбы так и не искоренил преступность в сфере экономики в СССР.

Ключевые слова: экономическая преступность, «военный коммунизм», новая экономическая политика.

S.V. Bogdanov
*Doctor of History, Professor,
Southwest State University, Kursk*

POWER AND ECONOMIC CRIMINALITY IN SOVIET RUSSIA (1917–1941)

In persisting article is considered complex of the crimes in sphere of the economy, which have got spreading in Soviet Russia in the first decennial events of existence state. For period with 1917 on 1941 g. policy of the powers in respect of economic crimes was charaterized by the certain metamorphosis: from extremely hard measures at period «military communism» to comparatively liberal legislation at years new economic politicians and newly to all-out approach on business elements with begin 1930-h years. However nor one of the political mode in USSR as well as not to manage to destroy criminality in sphere of the economy.

Keywords: economic criminality, «military communism», New Economic Policy.

Громкие и менее масштабные судебные процессы по делам о хищениях государственного и общественного имущества, должностных растратах, спекуляции, всевозможных финансовых аферах неоднократно придавались огласке и становились темой для досужих разговоров советских граждан. Государство в борьбе за социальную справедливость «выпускало пар из перегретого котла» советской дефицитной экономики. В отдельные периоды существования Советской России как научные, так и массовые печатные издания с той или иной частотой обращались к данной проблематике. Конъюнктурный интерес к этой «деликатной» теме то вспыхивал, то затухал в зависимости от официальных идеологических установок, которые, как правило, сопровождали разворачивавшиеся кампании борьбы с расхитителями государственного и общественного имущества, растратчиками, спекулянтами и прочей «экономической контрреволюцией». В то же время само государство на протяжении рассматриваемого хронологического периода, бросаясь из крайности в крайность в отношении различных носителей предпринимательской инициативы, провоцировало уход их в «тень», вынуждая ловчить, приспособливаться к изменяющимся правилам экономического существования в условиях отнюдь неблагоприятной внешней среды.

Первые годы деятельности большевистской диктатуры выявили однозначно негативное отношение нового политического режима к любым проявлениям рыночного хозяйства. Наглядно это высветилось в монополизации государством хлебного рынка и массивного наступления на свободу торговли. Однако повседневная действительность Советской России свидетельствовала, что никакие запреты не могли предотвратить торговлю предметами первой необходимости. В годы «военного коммунизма» пышным цветом расцвел специфический вид предпринимательской деятельности — мешочничество.

В.И. Ленин, основываясь на сведениях статистических органов, оперировал следующими цифрами: в 26 губерниях Советской России в 1919 г. мешочники наполовину обеспечивали потребление городов в хлебе: они доставили в города 40,6 млн пуд. хлеба (Наркомпрод — 40,9 млн пуд.). В села потребляющих гу-

берний мешочники доставили хлеба в два с лишним раза больше, чем Наркомпром (соответственно 27,8 млн и 12,1 млн пуд.) [6, с. 245, 275].

Центральный печатный продовольственный орган Петрограда в 1918 г. отмечал: «Мешочничество процветает в деревне и городе и тысячи охотников до легкой наживы не перестают осаждают продовольственные управы с требованием на разрешение сепаратных закупок только для своей колокольни». Городское население приобретало через рынок у спекулянтов и мешочников почти 2/3 необходимых хлебных продуктов¹.

Советский экономист 1920-х гг. Б. Лифшиц писал: «Для снабжения рабочих и служащих (и др. групп социально-опекаемых) 50% доставляли хозорганы, а остальные 50% — мешочники, т.е. те, кто протаскивал “природу” товарных отношений в “окно”, поскольку его выгоняли в “дверь”» [7, с. 24].

Огромная прибыль с торговых операций не могла не привлекать для занятия этой деятельностью наиболее мобильную и склонную к риску часть населения. Так, по сообщениям газеты «Беднота», в начале 1918 г. на одном из вокзалов были задержаны 1000 мешочников. Из них только 130 человек везли муку для себя, остальные собирались продать торговцам, выполняли заказы владельцев магазинов, ресторанов, кондитерских. По повышенной цене они привозили продукцию, которая без них вообще не попала бы в город².

Не смотря на мощную пропагандистскую компанию со стороны государственных и партийных органов против спекулянтов, мешочников в 1918–1920 гг. в рабочей среде наблюдалось своеобразное противоречие. С одной стороны, советская пропаганда делала свое дело, формируя негативный образ «рвача, спекулянта, мешочника». И это находило свою благоприятную почву среди рабочих масс. С другой стороны, широкие слои обывателей вынуждены были прибегать к услугам этих самых элементов, выражая свое недовольство неспособностью влас-

¹ Бюллетень Центральной управы Петроградского продовольственного совета. 1918. № 28; Вопросы истории. 1963. № 5. С. 45.

² Беднота. 1918. 31 марта.

тей организовать снабжение промышленных центров продовольствием.

Социальная смута, в которую погрузилась Россия, повсеместно провоцировала широкое распространение экономических и должностных преступлений корыстного характера. Фактически с самого начала существования Советской России органы ВЧК развернули бескомпромиссную борьбу с должностными преступлениями, в том числе и в своих собственных рядах. Специальным отделом ЧК за 1918 г. по данным М.Я. Лациса, был выявлен 3871 случай подобных преступлений. Среди них: хищения — 254, военная измена — 48, разгул — 283, взятки — 200, прочее — 3186 случаев [5, с. 76].

За последнюю четверть 1918 г. советской периодической печатью фиксируется около 50 случаев применения смертной казни органами ЧК за различные служебные преступления. Наиболее распространенными видами служебных преступлений оказались: взяточничество, растраты, шантаж, вымогательство денег и драгоценностей, самочинные обыски и присвоение изымаемых наиболее ценных предметов. Все это находило отражение на страницах большевистской центральной и местной прессы¹.

Однако, как показали последующие события, никакие репрессивные меры не могли абсолютно ликвидировать этот вид корыстных служебных злоупотреблений. На исходе «военного коммунизма» в занятиях хищениями и спекуляцией органами ВЧК были уличены работники едва ли не всех наркоматов. Рядовые работники национализированных предприятий не отставали от начальников и растаскивали до 2/3 производимой ими продукции [9, с. 236–241, 154].

Характеризуя социальный состав привлеченных к уголовной ответственности в первой половине 1920-х гг. практически по большинству крупных хозяйственных процессов, И.С. Кондушкин убедительно доказывает, что в 1918–1921 гг. значи-

¹ Известия ВЦИК. 1918. 29 сент., 10, 17 окт., 3, 21 нояб.; Правда. 1918. 17, 20 нояб., 12 дек.; Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. 1918. № 2. С. 29, 31; № 6. С. 28–29; Курская беднота. 1918. 15, 23 нояб., 4, 25, 28 дек.

тельная часть их в период «военного коммунизма» занимали ответственные должности или в Красной армии, или в госучреждениях [3, табл.].

Окончание гражданской войны поставило новые задачи теперь уже мирного характера. Вывод страны из глубокого социально-экономического кризиса оказался возможным на основе отказа от политики «военного коммунизма» и перехода к новой экономической политике (НЭП). НЭП открыл простор предпринимательской инициативе. С октября по декабрь 1921 г. частниками было выбрано 185 тыс. патентов, в первом полугодии 1922 г. — около 450 тыс. и во втором полугодии — 522 тыс. патентов [4, с. 10]. Только за два месяца 1921 и 11 месяцев 1922 г. было сдано в аренду (по 30 губерниям) 3069 предприятий, а на 1 января 1923 г. уже 4330 предприятий обрабатывающей промышленности, что составляло 15–16% от всей национализированной промышленности [10, с. 11].

Именно новые социально-экономические условия способствовали созданию чрезвычайно благоприятных условий для широкого распространения разнообразных хищений и махинаций на возродившемся товарном рынке.

Естественно, чрезвычайно быстро криминализировавшаяся экономика и часть советского государственного аппарата не могли не вызывать озабоченности у партийно-государственной элиты страны. Не случайно уже в первые годы реализации нового экономического курса часть партаппарата не просто им тяготилась, но и высказывала свое отчетливо выраженное негативное отношение к НЭПу.

ЦК РКП (б) в письме губкомам и обкомам в 1922 г. отмечал: «Рост капиталистических отношений как в городе, так и в деревне, укрепление частной торговли, дифференциация крестьянства и т.д. ставят нас перед лицом опасности усиленного воздействия буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на рабочие и крестьянские массы и перед попытками использования этих масс как орудия капиталистической реставрации»¹.

¹ Вестник МГУ. Серия 9. История. 1976. № 4. С. 5.

Стремительное «обуржуазивание» советских граждан пугало партийные и государственные органы. Л.Д. Троцкий на XII съезде РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) высказал опасения по поводу усиления частного капитала, подчеркивая, что кустари являются носителями мелкобуржуазных взглядов в социалистической среде [1, с. 400–401].

В первые годы осуществления нового экономического курса многие местные партийные органы приходили к неутешительному выводу: «В общем, в связи с НЭПом и вытекающими из него последствиями, то есть развитием частной собственности, улучшением быта кулаков и красных спекулянтов, не несших никаких тягот в революционной борьбе, пагубно действует на утомленный, нетвердый слой коммунистов в сторону уклона к собственничеству и покрыванию их мозгов помимо их воли обывательской плесенью»¹.

Контрреволюционеры, писал в 1923 г. заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК РКП (б) А.С. Бубнов, считали, «что если не удалось взорвать Советскую власть путем прямого вооруженного удара, не удалось ее взять “взрывом изнутри”, то они на почве нэпа, при помощи “новой тактики”, используя легальные возможности, возьмут Советскую власть тихой сапой, вращением во все поры советского государственного аппарата» [2, с. 42].

На праздновании 10-летнего юбилея ВЧК Л.М. Каганович, характеризуя мирный период хозяйственного строительства, указал на то, что классовая борьба принимает другие формы. Она перенесена в другие сферы — в экономику. Политическое руководство страны основные наиболее острые проблемы страны видело, прежде всего, в масштабном возрождении классов, враждебных пролетариату².

Действительно «дух торгашества», «жажда обогащения», охватившие довольно широкие слои населения, вовсе не вязались с идеалами ортодоксального большевизма. Поэтому и призывы «отца» пролетарской революции В.И. Ленина «на-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 89. Д. 163. Л. 52.

² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 5. Порт. 1. Л. 31.

учиться торговать» выглядели как капитуляция перед мелкобуржуазной стихией.

Необходимо сказать, что оснований для опасений у большевистской элиты в отношении последствий разрастающейся частнопредпринимательской деятельности и ее «теневизации» было больше чем достаточно.

В самом государственном аппарате и в многочисленных советских конторах появился слой посредников из числа их служащих, которые оказывали различные полулегальные услуги нэпманам, естественно, не забывая при этом и о своих материальных интересах. Довольно распространенным явлением среди госчиновничества периода НЭПа стало использование служебного положения в корыстных целях.

Так, в книге известного советского правоведа И.С. Кондурушкина приводится достаточно характерный для первой половины 1920-х гг. пример коррупции среди служащих советских государственных учреждений. Один из работников отдела коммунального хозяйства Петрограда за взятку сдал в аренду частнику ряд магазинов по Горсткиной улице, являвшейся центром мясной и молочной торговли Петрограда. За два года нэпманы получили прибыль в 800 тыс. р. В целом же, по этому делу позднее был предъявлен иск в размере 2 млн р. [3, с. 66].

Наиболее распространенными видами преступлений в эти годы являлись должностные преступления: растраты, подлоги, взятки. Ущерб, наносимый государству, организациями, предприятиями достигал огромных размеров. К середине 1920-х гг. растраты стали самым распространенным посягательством на собственность, о чем свидетельствовало, в частности, заявление Н. Крыленко, сделанное им на страницах газеты «Известия»: «Оставлен расстрел за присвоение и растрату, совершаемую должностными лицами, а равно за присвоение ими особо важных государственных ценностей. Такая суровая санкция объясняется необходимостью борьбы с эпидемией растрат, имеющей место за последнее время» [12, с. 1855–1858].

Судебная статистика свидетельствует, что взятки и хищения, различным образом маскируемые, в первой половине

1920-х гг. получили повсеместное распространение. Так, растраты, подлоги и другие преступления в 1924 г. по Курской конторе Госторга составили около 100 тыс. р., при этом 72,7% преступников были членами партии¹.

По Воронежской конторе ущерб составлял 358 тыс. р., все 100% преступлений падало на коммунистов, 36% ущерба приходилось на растраты. В целом по стране хищения, растраты и недостатки за 1924 г. составили 2,29% общей суммы расходов².

Практически повсеместно в «теневые» торговые и посреднические операции оказывались втянутыми представители различных государственных ведомств. Однако практически с самого начала 1920-х гг. сообщения о фактах коррупции советских служащих стали списываться на счет мелкобуржуазных элементов, «просочившихся в государственный аппарат», «замаскированных врагов». Таким образом, коррупция среди советского чиновничества получила, прежде всего, идеологическое объяснение. Однако широкое распространение данного вида преступлений заставляет усомниться в исключительно идейных мотивах бравших взятки чиновников.

В табл. 1 приводятся некоторые статистические сведения осужденных по обвинениям во взяточничестве, растратах и должностных подлогах в 1923–1924 гг. [3, с. 112].

Таблица 1

Отдельные показатели должностных преступлений с корыстным умыслом по 48 губерниям РСФСР в 1923–1924 гг., чел. на 100 осужденных

Вид преступления	1923 г.		1924 г.	
	1-е полугодие	2-е полугодие	1-е полугодие	2-е полугодие
Взяточничество	29	34,4	40,6	нет сведений
Растрата-присвоение	15,8	16,6	21,3	23,6
Служебный подлог	4,2	5,3	7,0	8,4

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 967. Л. 7.

² Там же. Д. 909. Л. 18.

Фактически на протяжении всего периода существования НЭПа кампании в отношении хищений, растрат государственного и общественного имущества приобрели постоянный характер.

В табл. 2 представлены данные о растратах по отдельным краям, губерниям и областям РСФСР за период кампании с июля 1926 г. Эта статистика содержит одномоментный срез о ситуации с данным видом должностных корыстных преступлений [11, с. 20].

Таблица 2

*Данные о растратах по отдельным краям,
губерниям и областям РСФСР
за период кампании с июля 1926 г.*

Территория	Количество возбужденных уголовных дел	Сумма растрат, р.
Северо-Кавказский край	832	2 818 976
Московская губерния	660	1 879 777
Ленинградская губерния	621	818 828
Ярославская губерния	264	408 630
Нижегородская губерния	506	351 189
Тульская губерния	305	329 716
Костромская губерния	650	326 504
Уральская область	642	315 709

В то же время приводимая в статьях и публикациях 1920-х гг. статистика не отражает истинной картины масштабов экономической преступности в период НЭПа в виду ее латентного характера. Многие преступления скрывались, раскрываемость преступлений составляла всего 10%. Эта была лавина хищений и растрат, начавшая принимать угрожающий для Советской России характер.

В материалах к тезисам о госаппарате, подготовленном ОГПУ, приводилось большое количество фактов злоупотреблений, воровства по военному ведомству среди коммунистов-руководителей¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 16. Л. 43–76.

Между тем, взяточничество среди государственных служащих периода НЭПа являлось специфической формой приспособления к кардинально изменившимся социально-экономическим реалиям общества. Зарплата советских служащих, не входивших в номенклатурные списки, была крайне низкой. Соблазнов же поправить свое материальное положение за счет полулегальных сделок с нэпманами было очень много.

В целом, если отбросить в сторону идеологическую подоплеку развернувшихся судебных процессов первой половины 1920-х гг. в отношении в отношении частного капитала, то можно увидеть первые механизмы приспособления агентов нарождавшейся рыночной экономики к условиям не всегда благоприятной внешней среды.

В табл. 3 приведены сведения о количестве граждан СССР, привлеченных за различные виды экономических преступлений к уголовной ответственности в 1924–1930 гг.

Таблица 3

**Количество граждан СССР, привлеченных
к уголовной ответственности по обвинению
в экономических преступлениях в 1924–1930 гг., чел.**

Вид преступления	1924	1925	1926	1927	1928	1930	1930 к 1924, %
Присвоение, растрата, подлог	220	368	1 817	1 947	3 634	3 151	143,2
Получение взятки	364	454	2 564	113	4 407	2 849	782,6
Контрабанда	604	578	8 880	9 542	9 357	3 638	602,3
Фальшивомонетничество	729	999	1 979	1 388	1 551	502	68,8

Составлено по: [8, с. 258, 262, 267, 273, 280, 289].

Анализируя основные показатели борьбы с экономическими преступлениями во второй половине НЭПа, бросается в глаза, что практически по всем показателям произошел масштабный прирост. Особенно значительное увеличение наблюдалось по таким составам как «получение взятки» и «контрабанда». Единственный состав корыстного преступления, по которому произошло снижение, оказалось фальшивомонетничество.

Ликвидация НЭПа и свертывание в подавляющем большинстве своем частнопредпринимательской деятельности с начала 1930-х гг. означали решительный отказ государства о возможности сосуществования в рамках одной экономической системы социалистического и очагов рыночного хозяйства. Переход к плано-централизованной системе снабжения населения продовольственными и промышленными товарами не могли не породить серьезных издержек в сфере организации торговли. Хронический дефицит на огромный ассортимент товаров становился постоянным атрибутом советской повседневности в годы первых пятилеток.

Так, в письме участников съезда инженеров, проходившего в Москве 25 ноября — 1 декабря 1932 г., на имя В.М. Молотова едко отмечалось: «У нас “благополучие”: картошка, капуста, огурцы стали роскошью... Москва — столица “Социализма” — наводнена нищими. На железных дорогах, на каждой самой маленькой станции: толпы в лаптях, в рваных армяках, женщины, дети, семьи — едут — куда? Мечутся, бегут от социализма десятки миллионов здоровых и трудоспособных людей»¹.

Свертывание «детища» В.И. Ленина — НЭПа, форсированная индустриализация и коллективизация, разбалансировали и без того неустойчивый продовольственный рынок страны. Тотальный дефицит практически на все товары, сменивший было товарное изобилие периода НЭПа, породил спекуляцию, многочисленные факты которой постоянно фиксировались правоохранительными органами СССР.

Явная неспособность государства в полном объеме удовлетворить потребности быстро растущего населения городов и индустриальных новостроек в продуктах питания, одежде, обуви создавала питательную среду для различного рода спекулятивных операций. Основными участниками и вдохновителями различных афер, махинаций, становились те должностные лица, которые соприкасались с дефицитом — работники торговли, системы общественного питания, заведующие складами и т.д.

¹ ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. 89. Д. 21. Л. 103–104.

Довольно широкое распространение получила практика, когда продавцы кооперативных магазинов перепродавали или многократно использовали пайковые купоны, которые они принимали от покупателей. Они припрятывали продукты для перепродажи на рынке и скрывали потери, манипулируя купонами, которые служили расписками в получении, продавали покупателям товары без купонов и присваивали себе деньги¹.

Перекрывая один канал распространения спекуляции, власть оказывалась не в состоянии закрыть другие бреши, куда она просачивалась. Порой она принимала экзотические формы, вовлекая в сферу своего влияния юное поколение строителей социализма. Довольно щепетильной проблемой, вставшей перед властями в начале 1930-х гг., стала так называемая «детская спекуляция», против которой велась чрезвычайно активная борьба. У многих детей, родившихся после революции и не видевших капитализма, смутно помнивших НЭП, неожиданно просыпалась коммерческая жилка, чего серьезно опасались власти.

В справке, подготовленной к заседанию Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 мая 1933 г. отмечалось: «Подавляющее большинство ребят, торгующих на улицах папиросами, занимающихся чисткой сапог и т.д. — школьники. Некоторые из них — пионеры. Все они дети работающих родителей. Собранные материалы свидетельствуют о том, что, как правило, дети идут спекулировать на улицу не вследствие нужды и бедственного материального положения, а вследствие крайне слабой работы школы и пионерской организации в области удовлетворения запросов детей».

И далее в документе в качестве вывода констатировалось: «Борьба с детской спекуляцией по Москве ведется слабо, а в ряде городов, как, например, Ростов, Новороссийск и другие — совсем не ведется, так как отделы народного образования и школы считают, что этим должна заниматься милиция, милиция считает, что этим должна заниматься школа и отдел народного образования, пионерская организация совершенно стоит в стороне»².

¹ Труд. 1930. 8 янв., 7 фев.; 1932. 17 нояб., 18 нояб., 5 дек.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 346. Л. 245.

Несмотря на массированную борьбу советского государства со спекуляцией, вступившую в новую фазу после принятия специального закона об усилении борьбы с этим видом преступлений в 1932 г., она по-прежнему существовала, постоянно приспособливаясь и видоизменяясь в условиях неблагоприятной для нее политической и правовой обстановки.

В табл. 4 приведена численность граждан СССР, привлеченных к уголовной ответственности за преступления экономического характера в первой половине 1930-х гг.

Таблица 4

**Количество граждан СССР, привлеченных
к уголовной ответственности в 1931–1934 гг.
за экономические преступления**

Состав преступления	1931	1932	1933	1934	1934 к 1931, %
Подделка денежных знаков (ст. 59 п. 8 УК)	272	747	534	183	67,2
Контрабанда (ст. 59 п. 9 УК)	5 812	2 638	1 806	1 346	23,1
Нарушение постановлений о монополии и валютных операциях (ст. 59 п. 11, 12 УК)	7 527	30 429	5 940	1 873	24,8
Спекуляция (ст. 107 УК)	2 169	26 975	2 169	2 831	130,5
Служебно-должностные преступления (ст. 116, 117, 118, 119, 120 УК)	5 343	6 898	41 055	31 556	59,0
Хищения государственного имущества	нет сведений	25 244	37 279	35 931	142,3

Составлено по: [8, с. 296, 308–309, 317–318, 323]. Проценты рассчитаны автором.

Таким образом, обращает на себя внимание масштабное сокращение численности граждан, привлеченных к уголовной ответственности за такие составы преступлений, как контрабанда, незаконные валютные операции, существенное уменьшение служебно-должностных преступлений — присвоение и растрата (ст. 116 УК), взятка (ст. ст. 117, 118, 119 УК), подлог (ст. 120 УК). В то же время, значительно увеличилась спекуляция и хищения государственной собственности. Последнее

явилось логическим следствием реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1932 г.

Отдельные взлеты численности привлеченных к уголовной ответственности в 1932 г. по ст. 59 п. 11, 12 и ст. 107 УК объясняются как собственно ростом этих преступлений в первые посленэповские годы, так и активизацией борьбы органов ГПУ с ними.

Таким образом, отход от принципов НЭПа означал кардинальную перестройку всех сфер жизни советского общества. В экономике — укрепление плано-централизованных начал и минимизация функционирования рыночных механизмов хозяйствования. В социальной сфере — курс на ужесточение контроля над всеми общественными процессами. В политической — усиление личного влияния И.В. Сталина на механизмы принятия решений при одновременном урезании автономии региональных партийных лидеров. В области правотворческих процессов 1930-е гг. характеризовались чрезвычайным ужесточением санкций за преступления в сфере экономики.

Переход к плановым началам в экономике и свертывание предпринимательской деятельности, усиление учета и контроля объективно сузили объективные и субъективные факторы воспроизводства экономической преступности в СССР. Однако реалии 1930-х гг. свидетельствовали о сохранении значительных проблем, которые создавали питательную среду для существования экономических преступлений: хищений государственной собственности, спекуляции, взяточничества, валютных махинаций, контрабанды. Среди объективных причин сохранения экономических преступлений в этот период можно указать: возникновение товарного голода и дефицита по широкому спектру товаров, чрезвычайная бюрократизация советского общества с неизбежным расширением системы клиентизма, ощущение всевластия и бесконтрольности определенными представителями партийно-государственного аппарата, наличие во властных структурах и правоохранительных органах коррумпированных элементов, сохранение определенных социальных групп профессиональными занятиями которых являлись криминальные промыслы в сфере экономики.

Усиление репрессий в отношении расхитителей государственного и общественного имущества, спекулянтов, валютчиков, контрабандистов, взяточников, нарушителей правил советской торговли являлось не только реакцией высшей партийно-государственной элиты СССР на сложности и последствия скоропалительного свертывания НЭПа и масштабной модернизации страны. Эти меры были закономерной реализацией концептуальных установок сталинского руководства на необходимость адекватных мер в отношении классовых врагов и несознательных элементов. Причем по отношению к первым, по мысли руководства страны, репрессии должны носить беспощадный характер, а в отношении — вторых воспитательный.

Борьба с экономическими преступлениями в СССР в период становления авторитарного режима И.В. Сталина характеризовалась развертыванием противодействия этим явлениям на различных направлениях: законодательном, организационном, оперативном, идеологическом. В эти годы наметилась тенденция чрезмерной политизации экономических преступлений. Это в свою очередь вписывалось в логику представления СССР как «осажденной крепости» как внешними, так и внутренними врагами. Именно в данном контексте следует рассматривать многие нормативно-правовые акты 1930-х гг. В арсенале методов противодействия экономическим преступлениям в 1930-е гг. оказались способы, заимствованные из арсеналов правоохранительных органов, как в предшествующее десятилетие, так и в годы «военного коммунизма». Это различные кампании по изъятию ценностей, задержанию спекулянтов, высылки из городов «социально-чуждых» элементов, внесудебные репрессии и т.д. Однако в новых условиях они уже опирались на разветвленный аппарат государственных и правоохранительных органов, судебную систему.

Список использованной литературы

1. XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. — М., 1923.
2. Бубнов А. Буржуазное реставраторство на втором году нэпа / А. Бубнов. — Пг., 1923.

3. Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. / И. С. Кондурушкин. — М.; Л., 1927.
4. Крон Ц. М. Частная торговля в СССР / Ц. М. Крон. — М., 1926.
5. Лацис М. Я. Два года на внутреннем фронте. Популярный очерк двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности / М. Я. Лацис. — М., 1920.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 39.
7. Лифшиц Б. Старое и новое законодательство в Советской России / Б. Лифшиц // Вестник труда. — 1922. — № 26–27.
8. Мазохин О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) / О. Б. Мазохин. — М., 2006.
9. Павлюченков С. А. Военный коммунизм: власть и массы / С. А. Павлюченков. — М., 1997.
10. Романов М. Аренда национализированной промышленности / М. Романов // Экономическое обозрение. — 1923. — № 2.
11. Тагер С. Борьба с растратами / С. Тагер // Административный вестник. — 1926. — № 1.
12. Яковченко Н. О борьбе с растратами / Н. Яковченко // Рабочий суд. — 1925. — № 49–50.

Информация об авторе

Богданов Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: sv-bogdanov@mail.ru.

Author

Bogdanov Sergey Viktorovich — Doctor of History, Professor, South-west State University, 94, 50 let Oktyabrya, Kursk, 305040, Russia, e-mail: sv-bogdanov@mail.ru.